

В Журавлях

Светлая память
Александрю Ибрагимову...

Лето

Опять середина лета, жара, мираж –
Сто тыщ столетий...
Ты это не раз проклянёшь, предашь,
Оно тебе не ответит...

Всё так же в букете будет жужжать пчела
С назойливым постоянством –
Слушай, ты слушай! Куда ты опять ушла –
За временем, за пространством?..

Нет, ты ушла за холодным квасом
С ковшом-ладьёй,
Это случается раз за разом
В июльский зной!

Солярис

У нас у каждого свой Солярис.
Его океан то взбунтует, то вновь сожмётся,
Кого он прячет, кого таит от земного солнца,
Какую кому он приготовил Хари.
А человеку не надобен этот космос,
Ему охота расширить то, что ему знакомо,
Он ищет себе подобных сапиенс хомо,
И страшно боится любую другую особь.
Здесь, на земле, вода и солнце ласкают зелень
На крыльцо выходит отец, он в тоске по сыну,
Он живой, и пока не пополнил он ту пучину,
Беги, успевай встать перед ним на колени...

Чистит лисички Наташа,
А Саша читает стихи.
На фоне ромашек-букашек,
Мы счастливы, как дураки.

Мы завтра пойдём по душицу,
Навяжем целебных пучков,
Повесим в тенёчек сушиться,
Чуть-чуть потеснив паучков.

А после с собакой Акбаром
Пойдем по тропинке к Томи.
Две просто семейные пары,
Обычные пары с детьми.

Но вечером сосны сомкнутся
Послушать, как рифма звенит,
Как сладостно в Божиих руцех
Стихи напевает пиит...

Грустное, ёлочное...

«Маленькой ёлочке холодно зимой...»

Какие терпкие духи,
Какие тонкие запястья...
Не смей, не смей шутить над ней
Во времена её ненастья!
И этот бисер рассыпной
В её растрёпанной причёске,
И эта лента на бедре,
И ножка в новогодней блёстке,
И дрожь, и кротость, и к тому ж
Изломанный ещё мизинчик,
Как непривычно ей в снегу
Без крепкой крестовины нынче...

Душевное

Чисти курятник, хозяйка,
Пестовой душу-несушку,
Может, снесёт тебе яйцо
Тоё, которое нужно.

Может, снесёт тебе коко
Курка твоя, чубатурка,
Стукнешь скорлупку тихохо,
И облетит штукатурка...

Осеннее чаепитие

Приуныла улица,
ветром куст качает...

Чайник караулится –
закипает чайник!

Выглянуло солнышко,
и снежок пошёл...

Допит чай до донышка –
ну и хорошо!

Шестидесятники

Привет тебе, таинственная страсть –
Свобода от вождей, семьи и быта!
Поэт в тебе, как в озере карась,
Он в доску свой в объятьях общепита,
Где пьют, едят, дымят, стихи читают,
Отсутствие свободы слова хаут,
Вернее, тех, кто направляет массы
И у кого малюют пидарасы
Дрянь, недостойную страны советов,
Терпящую бездельников-поэтов!

Прототип

– Ах, Таня Берс, лети на Белогубке,
Лишь ветру подставляя свои губки,
И сердце никому не отдавай,
Особенно Серёженьке Толстому,
А то напьёшься яду – так и знай! –
И Льва лишишь очередного тому.
Ведь ты ж не просто дева среди лип,
Грустящая в саду, – ты прототип!
Была ты беззаботница, игрунья,
Но, видно зачиналась в полнолуние,
Поэтому полна любви и страсти,

И сердце разрывается на части
Читать воспоминания твои,
Где ты сумела ничего не утаив,
Всех оправдать и всё перенести,
И прототип ни в чём не подвести!

31 августа

Тридцать первое. Ночь. Понедельник.
Август в пропасть спокойно глядит.
А сентябрь – ещё тот коробейник! –
К воротам подошёл и стоит.
Завтра ящик волшебный откроет
И свирельку к губам поднесёт,
И богатство своё золотое
Разбазарит, раздарит, пропъёт...

Привязала к колышку свою дурь
И пошла на волю, полна ума,
А вверху такая стоит лазурь –
Пей через соломинку задарма!

И ничто не мучает, не томит,
Только травка колетса да комар
Всё жужжит, а может, делает вид,
Что ещё кусач, что ещё не стар!

Стрекотанье, пение, запах, цвет...
Хорошо-то как моему уму,
Что всё главное понял на склоне лет,
Что секрет не выдаст он никому!

Ты стели, стели постелю,
Зимушка-Зима.
Хоть под кедром, хоть под елью –
Выбери сама!
Ляжу тихо, как пушинка,
Ручкой подопрусь,
Заяц выпрыгнет с низинки,
И обратно – трусь!
Снегири и зимородки –
Или как вас там?..
Зимы кОротки-корОтки, –
Говорю я вам!
Перетерпим скорби эти,
После побузим,
То ли мы, Господни дети,
Не видали зим!